

Девушка была действительно хороша собой, от неё веяло утончённой прохладой. Сейчас она заменяла евнуха Юаня, растирая тушь для императора. Её изящные пальцы казались совсем белыми на фоне угольно-чёрной туши.

Разумеется, фаворитку подсунула Вдовствующая императрица. Как удалось подсмотреть в мыслях самой девушки, когда-то она была дочерью бедняков из столичного пригорода. В тот день, когда Вдовствующая императрица отправилась молиться на Гору Тысячи Фениксов, Ань Ци тоже оказалась там — и невольно привлекла к себе царственное внимание. Семья её едва сводила концы с концами: больной отец, вечный голод... В ту пору сама Ань Ци походила на прозрачную, изнурённую тень.

Получив от знатной госпожи щедрую плату, родные поспешили уехать из столицы. Конечно, они и представить не могли, кем была их благодетельница — решили, что богатая барыня выкупила девочку в услужение. Прощаться было горько, но никакие слёзы не могли заглушить страх голодной смерти.

После покупки девушке дали имя Ань Ци и поселили в уединённом загородном поместье. Годами её обучали манерам: как сидеть, как держать осанку, как говорить и какими взглядами одаривать собеседника. Все эти годы она жила под надзором, не видя своей хозяйки, пока месяц назад её тайно не привезли во дворец. Только тогда она осознала, что её покровительница — сама Вдовствующая императрица.

Та велела девушке подстроить «случайную» встречу с государем в Императорском саду, посулив её семье немислимые богатства и почести. Ань Ци испугалась, но её жизнь полностью принадлежала владычице. Вспомнив прежнее нищенское существование, она беспрекословно подчинилась. К счастью, престарелый император оказался вовсе не таким грозным, каким она его себе воображала.

Впрочем, Хань Сиэнь сейчас занимало иное.

Его не удивляло, что девушка столь легко завладела вниманием монарха. Раз уж за дело взялась Вдовствующая императрица, осечки быть не могло. Но из мыслей государя следовало кое-что поинтереснее: Ань Ци напоминала ему покойного Императорского благородного супруга Ван Ина.

Сходство крылось даже не в чертах лица, а в этой холодной отстранённости. Вот только взгляд Ань Ци оставался чистым и простодушным, тогда как Ван Ин всегда смотрел ледяным, надменным взором, в котором читалось бесконечное презрение ко всему земному.

Хань Сиэнь вгляделся в стоящую за спиной императора фаворитку. Её лицо казалось смутно знакомым. И вдруг его осенило: она походила на тот самый портрет, который набросал для него инструктор Бай.

Конечно, Ань Ци была женщиной, её черты лица отличались мягкостью — именно это, к слову, больше всего досаждало государю, находившему девушку излишне покладистой. На рисунке

же Бая облик Хань Сиэня представал резким, холодным и неприступным. Пожалуй, именно этот надменный образ куда точнее соответствовал тому Ван Ину, которого хранил в памяти император.

Хань Сиэнь едва заметно нахмурился.

Ещё когда лекарь Чжоу осматривал его, тот мысленно сокрушался, что глаза юноши точь-в-точь как у покойного благородного супруга. По мнению Чжоу, хотя вслух имя Ван Ина во дворце давно не произносили, в сердце государя он оставался незаменимым.

Племянники часто похожи на дядей по материнской линии, тут нечему удивляться. В своё время Хань Сиэнь, зная об этом сходстве, умело воспользовался им, чтобы сперва привлечь внимание лекаря Чжоу, а затем и самого императора. Поначалу правитель приблизил его не только ради того, чтобы потешаться над дрызгами в герцогском поместье, но и из-за этих глаз. Однако Хань Сиэнь и представить не мог, насколько образ запечатлённого в памяти государя Ван Ина совпадает с тем, каким его самого видел инструктор Бай.

Он ведь понимал, что в воспоминаниях императора благородный супруг обладал поистине неописуемым величием, но никогда не пытался вообразить этот образ в деталях.

И подобная слепая, всепрощающая привязанность государя сулила мало хорошего.

Одно дело — слегка походить на «киноварную отметину» на сердце императора, извлекая из этого выгоду. С помощью чтения мыслей нетрудно предугадать порывы чужой души и превратиться в глазах монарха в послушный, острый клинок, которым тот без колебаний сокрушит любого врага, испытывая к самому оружию неизменную снисходительность. Но если сходство окажется абсолютным, последствия станут непредсказуемыми. Подобные призраки прошлого — самые коварные соперники на свете.

Конечно, Хань Сиэнь не боялся лишиться монаршей милости. Их союз оставался взаимовыгодной сделкой: он жил в своё удовольствие, а император использовал его, дабы укрепить собственную власть и влияние. Но внезапно возникшая двусмысленность их отношений начинала раздражать. Юноша не боялся смерти, однако уйти из жизни по собственной воле и быть принуждённым к гибели чужим капризом — вещи совершенно разные.

К счастью, хотя его лицо уже не выглядело столь изнурённым, из-за недавних ранений он оставался слаб и бледен. Сейчас в его чертах едва ли угадывался былой блеск Ван Ина; болезненному Хань Сиэню всё же далеко до того легендарного величия.

С этой мыслью Хань Сиэнь опустил веки. К счастью, помыслы государя пока не были полностью поглощены фальшивой заменой в лице Ань Ци. Время ещё есть, но медлить нельзя — пора обсудить дальнейшие шаги с третьим принцем Ци Ло.

Император уже занёс кисть над бумагой, собираясь окунуть её в свежие чернила, когда заметил, что его юный гость погрузился в свои мысли. Улыбнувшись столь редкой рассеянности юноши, государь ласково спросил:

— О чём задумался?

Ань Ци тотчас перестала растирать тушь. Лицо её осталось бесстрастным, но в душе поднялась буря изумления: по тому, как мягко заговорил император, она поняла, что Хань Сиэнь занимает в его сердце совершенно особое место. Пошатнуть положение этого человека в ближайшее время ей точно не удастся.

«Вдовствующая императрица считает, будто я купаюсь в ласке, но только мне известно, каково это... Стоит нам остаться наедине, как император становится суров. Он молча смотрит на меня часами, не произнося ни слова»

«Когда меня привезли во дворец, никто толком не объяснил, зачем нужна эта встреча. Но едва государь замер, поражённый моим появлением, я всё поняла — он видит во мне кого-то другого. Даже великий евнух Юань Бао, взглянув на меня, не сумел скрыть проблеск ужаса в глазах»

«Император держит меня при себе вовсе не из любви. Его взгляд полон горечи, тоски, обожания, затаённой злобы и даже брезгливости. Какая горькая участь — быть лишь тенью чужого прошлого. Но моя собственная судьба ещё жалостнее. Стоит государю пресытиться этой игрой, или если я не исполню волю Вдовствующей императрицы, меня ждёт неминуемая смерть»

«Мне нужно укрепить своё положение, найти способ стать незаменимой, а не оставаться безликой пешкой»

Хань Сиэнь отогнал лишние мысли и смущённо улыбнулся:

— Прошу простить меня, Ваше Величество. В последнее время придворные только и зубоскалят, будто я лишился вашей милости. Вот я и призадумался, встретившись с вами, оттого и растерялся.

Ань Ци едва не выронила брусок туши от подобной дерзости. Она украдкой взглянула на повелителя. Даже Великий внутренний управляющий Юань Бао никогда бы не посмел говорить с императором в столь фривольном тоне. Неужели этот юноша совсем не боится гнева монарха?

У императора тем временем дрогнула рука, отчего кончик кисти соскользнул, безвозвратно испортив изящный иероглиф. Государь отложил кисть на подставку и с заметным лукавством посмотрел на Хань Сиэня:

— Неужели ты и впрямь беспокоишься о моей милости? А я-то думал, ты вообще ничего на свете не боишься. — Он со вздохом покачал головой. — Выкладывай, с какими невзгодами ты пожаловал на этот раз? Что мне прикажешь улаживать?

Хань Сизнь не стал торопиться с ответом. Вместо этого он красноречиво посмотрел на Ань Ци, всем своим видом показывая, что при посторонних вести подобные разговоры не подобает.

Государь скользнул по фаворитке потемневшим взором.

— Оставь нас, — сухо велел он.

Ань Ци бесшумно поклонилась и покинула кабинет. Лишь когда её тонкий силуэт растаял за дверями, император перевёл взгляд на юношу.

Не давая государю погрузиться в меланхолию, Хань Сизнь сразу перешёл к делу:

— Ваше Величество, отслеживая убийц в чёрном, я наткнулся на след, ведущий к делу о цзяннаньских золотых приисках.

Император мгновенно подобрался, его расслабленность как рукой сняло. Он выпрямился в кресле и сурово спросил:

— Удалось что-то разузнать?

Хань Сизнь почтительно протянул свиток:

— Эти наёмники содержали в столице игорный дом — идеальное убежище для теневых потоков золота и серебра. Я расспросил завсегдатаев этого притона и выяснил, что некоторые игроки действительно ставили на кон чистое золото.

Император нахмурился, вчитываясь в бумаги.

— И это всё?

— Добыча на незаконных приисках велась довольно долго, — ровным тоном продолжил Хань Сизнь. — Золото везли из Цзяннаня прямо в столицу. Стоило мне обнаружить зацепку, как я немедленно направил вам тайный доклад. Под вашим бдительным надзором преступники не посмеют быстро пустить драгоценный металл в оборот, так что значительная часть добычи наверняка ещё сокрыта в городе. Я намерен раскрутить это дело через подставных лиц игорного дома. В конце концов, отмытое серебро должен кто-то принимать. И, смею предположить, этот покровитель занимает весьма высокое положение при дворе, раз его деятельность до сих пор не вызвала подозрений.

Лицо правителя сделалось мрачнее грозовой тучи.

— Чьё бы имя ни всплыло, — процедил он сквозь зубы, — выверни всё наизнанку, но найди виновных.

Хань Сиэнь склонил голову, принимая приказ. Заметив, как тяжело дышит разгневанный государь, он решил сгладить острые углы и почтительно произнёс:

— Не за горами великое торжество во дворце, и я спешу заранее поздравить Ваше Величество.

Император удивлённо приподнял бровь:

— Торжество? О чём ты?

— Приближается день рождения Вашего Величества, — с едва заметной улыбкой ответил юноша. — Разве это не радостное событие для всей Поднебесной?

Государь не выдержал и рассмеялся, а его недавний гнев бесследно улетучился.

— Ах ты прохвост, Хань Сиэнь! Твои речи обычно сеют смуту и лишают покоя, а тут надо же — выискался льстец.

Хань Сиэнь лишь безмолвно поклонился в ответ.

В превосходном расположении духа правитель отпустил Хань Сиэня. Прежде он не придавал особого значения празднованию своего юбилея, но теперь в его душе затеплилось приятное предвкушение.

Покидая императорский дворец, Хань Сиэнь сосредоточенно размышлял. Ему необходимо как можно скорее лично встретиться с третьим принцем Цзи Ло и скоординировать их дальнейшие шаги.

В день рождения государя им определённо следовало преподнести ему по-настоящему незабываемый подарок.

<http://bllate.org/book/20088/2002050>